

— Учитель Вэнь...

— Учитель Вэнь?

— А?..

Вэнь Цзинь очнулся от смутного сна, ещё не до конца понимая, где находится.

Окунувшая его в реальность ученица с виноватым видом почесала затылок:

— Учитель, я вам помешала, да?

Быстро придя в себя, Вэнь Цзинь зажмурился и сжал пальцами переносицу, пытаясь развеять навязчивые призраки прошлого. Подобрал лежавшие на краю стола очки, он надел их и мягко улыбнулся ученице — привычно спокойный и сдержанный.

— Вовсе нет. Что тебя интересует?

Заметив его неизменно доброжелательный тон, девочка облегчённо вздохнула, поспешно протянула тетрадь с упражнениями и, немного смутившись, задала вопрос.

А Вэнь Цзинь тем временем старательно вытеснял из головы обрывки сновидений — полузабытые, ускользающие, горчащие своей былой красотой воспоминания. Перед учениками следовало держать лицо, сохраняя невозмутимость.

«Забудь. Всё это в прошлом, ничто из этого тебе больше не принадлежит», — твердил он себе.

Погода в эти дни стояла изнуряюще жаркая. Опасаясь, что ребята в атмосфере предэкзаменационного мандража подхватят тепловой удар, Вэнь Цзинь каждый день в обед покупал в лавке у школьных ворот спелые арбузы и делил между учениками, надеясь хоть немного разрядить обстановку.

Накануне экзаменов, в их последний вечер в средней школе, он устроил для класса кинопросмотр. А после фильма показал подготовленную презентацию «Навстречу экзаменам», пожелал всем сохранять уверенность в себе и получить желаемые баллы.

В самом конце выпускного вечера Вэнь Цзинь поделился личным опытом и вспомнил пару историй из собственной поры сдачи выпускных экзаменов.

Характер у него был мягкий, но излишне скрытный и отстранённый, из-за чего сойтись с людьми близко у него никогда не получалось. В старших классах, помимо Цзян Синя и Цзян

Янь, у него практически не водилось близких друзей. Учился он средне, преподаватели особых надежд на него не возлагали, а отец даже перед самыми экзаменами не упускал случая надавить на психику.

Его сводному брату тогда исполнилось десять — мальчишка учился в четвёртом классе и с возрастом становился всё более неконтролируемым, а к Вэнь Цзиню относился со всё возрастающей враждебностью.

В те дни, когда напряжение перед выпускными и без того зашкаливало, сводный брат — то ли из мести, то ли из глупого озорства — ворвался к нему в комнату и порвал в клочья все тетради с заданиями. В результате Вэнь Цзиню пришлось целый день простоять у доски в наказание от учителя.

Вскипев от обиды, он вернулся домой, устроил мелкому жёсткий нагоняй и заперся в своей комнате.

Мать с отчимом, понимая, в каком стрессе он находится, тайком отчитали младшего, и тот позже с кислой миной выдал из себя извинения.

Вэнь Цзинь и сам тогда перенервничал; даровав выход гневу, он немного успокоился. Родители же старались лишний раз его не тревожить, создавая максимально комфортную обстановку для подготовки.

Никто не мог предугадать, что в самый ответственный момент на горизонте всплывёт его родной отец, бросивший семью много лет назад.

Он подкараулил Вэнь Цзиня прямо у школьных ворот.

Увидев его впервые за долгое время, юноша испытал не столько изумление, сколько вспышку глупой, наивной радости. В глубине души затеплилась детская надежда.

Он отчаянно и слепо подумал: неужели отец пришёл проводить его? Узнал, что сын сдаёт экзамены, и решил узнать, как у него дела?

Но реальность оказалась жестокой: отец явился исключительно за деньгами.

Он беспросветно пил ещё с раннего детства Вэнь Цзиня. В своё время, ещё до развода с матерью, из-за тяжёлого алкоголизма он избил покупателя, работая охранником в супермаркете, и с треском вылетел с работы.

И всё же Вэнь Цзинь не предполагал, что тот опустится до такой беспардонности — спустив всё до копейки из-за собственной лени, прийти вымогать деньги у собственного сына-школьника.

Вэнь Цзинь онемел от шока.

Тоненький росток надежды мгновенно завял. Душу обдало ледяным холодом — до ломоты в костях, до горьких, невыплаканных слёз обиды.

Сдерживая бурю внутри, он не проронил ни слова. Дрожащими руками достал из кармана всё, что скопил за два месяца на обедах — чуть больше пятисот юаней. Для него тогда это были огромные деньги, заработанные подработками, с которых он ушёл ради подготовки к экзаменам.

Изначально у него водилось около двух тысяч: половину он перевёл матери на карту, а остаток отложил себе на еду. Была как раз зачётная неделя, половину он успел потратить, и с учётом проезда это оставалось всё его достояние.

Но отцу показалось мало. Подозрев, что сын его обманывает и зажимает деньги, тот впал в ярость. На глазах у толпившихся у ворот учеников и родителей он схватил захваченную с собой фарфоровую бутылку из-под алкоголя и со всего размаху ударил Вэнь Цзиня по голове.

В ушах у Вэнь Цзиня зазвенело, голову обожгло адской болью, а перед глазами всё поплыло. Очнулся он, только когда подбежавший охранник скрутил отца и повёл оглушённого парня в медпункт.

И даже уходя прочь, он всё ещё слышал вдогонку отвратительную брань: «Неблагодарная тварь!», «Ублюдок!», «Выродок проклятый!».

Так он, всегда державшийся в тени, снискал скверную славу «непочтительного сына». Друзей у него почти не было, и большинство предпочло поверить сплетням, а не ему. Впоследствии, окончив школу, он не пришёл ни на одну встречу выпускников.

Вэнь Цзинь молча проглотил и эту обиду, не произнеся ни слова в свою защиту.

С тех пор отец стал появляться регулярнее, неизменно карауля его у ворот. Охранники, помня прошлый дебош, гоняли его и грозились вызвать полицию, не выпуская юношу на улицу.

Вэнь Цзинь был им искренне благодарен, но понимал: вечно прятаться не выйдет.

К тому же он жил у матери и до смерти боялся, что отец, не получив денег от него, заявится к ней. Поэтому до самых экзаменов под разными предлогами не приходил домой.

Внешне он старался сохранять невозмутимый вид. Но по ночам, сжимаясь на кровати, мысленно задавался вопросом: в чём же он провинился?

В день сдачи Гаокао, едва завершились первые два предмета, он снова увидел отца. Тот привёл с собой каких-то головорезов и перекрыл выход, угрожая, что не пустит его на следующие тесты, пока тот не отдаст деньги.

Если бы не вовремя подросевший отчим, жизнь Вэнь Цзиня была бы окончательно разрушена.

Впрочем, и так его результаты оказались далеки от желаемых. Из-за пережитого кошмара он не мог сосредоточиться: голова пустела перед задачами, которые в обычное время он щёлкал как орехи. Так он сам перечеркнул своё светлое будущее.

В этом заключался его главный изъян: он не выносил стресса. Стоило внешним обстоятельствам вмешаться в его жизнь в ключевой момент, как он терял контроль, впадал в ступор и проваливал всё, за что брался.

Так что винить оставалось только себя.

И всё же какое счастье, что в тот беспросветный период рядом кто-то был.

Этот человек поддерживал его, подбадривал и бережно вёл за собой. Он показал ему мир за пределами уезда И и Наньчэна, открыл, что у цветка гибискуса бывает множество сортов и оттенков.

Он зажгёт в душе Вэнь Цзиня отчаянную жажду вырваться во внешний мир, заставил рваться вперёд вопреки всему — пусть даже желаемой высоты покорить так и не удалось.

К счастью, в самые тёмные дни тот же человек тихо произнёс:

— Старт у всех разный. Это ещё не твой финал.

Он помог ему выбраться из омута тоски и доказал, что даже на ребёнка, забившегося в самый дальний угол, может пролиться свет.

Вот только тот человек и юный Вэнь Цзинь навсегда остались заперты в том далёком жарком лете их первой встречи.

Без права на возврат. Без возможности всё переписать.

На прощальном вечере после завершения экзаменов ученики вручили ему подарок, на который сбросились всей параллелью.

Тронутый до глубины души, Вэнь Цзинь впервые за три года работы принял от них столь

официальный дар. Сдерживая подступающие слёзы, он высказал этим детям, дарившим ему тепло всё это время, слова искренней признательности.

Возможно, скоро он уедет из города, но те крохи человеческой доброты и искренности он не забудет никогда.

В юности он видел слишком много зла, а на пути взросления так и не встретил чуткого наставника. В возрасте, когда он больше всего нуждался в поддержке, от учителей сыпались лишь насмешки да колкости. Он так и не узнал, что такое настоящая, яркая, полная надежд юность.

И потому старался отдавать всю свою нерастраченную любовь этим детям, вступающим во взрослую жизнь. Жаль только, что его путь с ними на этом окончен.

Вэнь Цзинь лично вручил аттестаты и под всхлипывания ребят попрощался с классом.

А затем собрал вещи и подал заявление об увольнении.

Руководство школы долго не могло поверить своим глазам и уговаривало его остаться, но, видя его непреклонность, с сожалением отпустило, заверив: двери школы для него открыты всегда.

Поблагодарив руководство, Вэнь Цзинь вернулся домой и начал собираться в поездку к родителям Сюй Сичжоу.

Отец и мать Сюй Сичжоу были интеллигентными, чуткими людьми и относились к Вэнь Цзиню как к родному сыну.

Они знали о его непростой семье, но ни разу не высказали недовольства, не попрекали образованием и с глубоким уважением относились к его профессии. Особенно свекровь — после того как Вэнь Цзинь и Сюй Сичжоу поженились, она постоянно хвасталась им перед подругами:

— Да я куда счастливее вас! Зачем мне внуки, когда появился ещё один чудесный сын? Мой младший — народный учитель! Преподаватель! В нашем роду отродясь педагогов не водилось! А какой скромный, как легко смущается! Когда краснеет — такая прелесть... А Сичжоу? Да разве этот бродяга, которого вечно дома нет, с ним сравнится!

Вэнь Цзинь от таких речей обычно заливался краской и не знал, куда деваться от смущения.

А Сюй Сичжоу в такие моменты наигранно вздыхал и протягивал с показной скорбью:

— Эх, привели в дом зятя — и про родного сына забыли...

Отец Сюй, отрываясь от газеты, шутливо подкалывал его:

— А на кой ты нам сдался, когда есть А-Цзинь? Носишься по всему свету, целыми годами тебя не видать. В праздники нас только А-Цзинь и навещает, ты уж побольше моего, бизнесмена, занят!

Сюй Сичжоу со смехом валился на плечо Вэнь Цзиня:

— Вайвай, кажется, меня выживают из семьи...

«Вайвай» — так звали их кота, и так же звучало домашнее прозвище Вэнь Цзиня. Сюй Сичжоу называл его так лишь в моменты особой нежности или когда хотел подлизаться.

Это ласковое, интимное имя не раз соскальзывало с его губ. Но за последние два года Сюй Сичжоу ни разу не произнёс его. Даже когда они находились в самой близкой интимности...

— Уважаемый, приехали.

Голос таксиста мгновенно вырвал Вэнь Цзиня из зыбкой паутины воспоминаний.

Поблагодарив водителя и расплатившись через приложение, Вэнь Цзинь взял приготовленные для старшего поколения подарки и привычной дорогой направился к дому.

Воспоминания всегда отдают горчинкой. Хочется вспять повернуть время, хоть и понимаешь всю тщетность этой затеи. Ведь он заранее знал, чем всё закончится через годы, и, начни он всё заново, лишь повторил бы трагедию.

И всё же Вэнь Цзинь признался себе: сделай он шаг назад в прошлое, услышь он снова от Сюй Сичжоу слова любви — он без раздумий бросился бы в этот омут опять.

Любить человека — это невероятно больно и одновременно невероятно прекрасно. Это безумие, ради которого ты готов поставить на кон весь мир. И даже если в конце останешься истекать кровью, потеряв всё до последней нитки... жалеть ты не будешь.

Вилла семьи Сюй располагалась в живописном пригородном районе Наньчэна, у подножия дальних холмов. Буйная зелень, свежий воздух и удалённость от городской суеты делали это место идеальным для тихой жизни.

По этой утопающей в зелени тропинке, ведущей к дому, Вэнь Цзинь за прошедшие годы ходил неисчислимое количество раз. Когда Сюй Сичжоу уезжал, он в свободное время навещал его родителей, помогал по хозяйству и коротал с ними вечера.

Старшие Сюй были удивительными людьми. В эпоху, когда однополые браки хотя и были узаконены, но всё ещё вызывали неприятие у большинства людей старшего поколения, они приняли Вэнь Цзиня с открытой душой и абсолютным спокойствием. За семь лет брака у них не возникло ни единого конфликта: они действительно считали его родным сыном.

Именно у таких родителей и мог вырасти такой замечательный человек, как Сюй Сичжоу.

Вэнь Цзинь помнил, что последний раз приезжал сюда на Праздник драконьих лодок. До развода подобные визиты были обычным делом: он приходил сюда так же просто, как к себе домой.

Вот только за пару дней до того Праздника они со скандалом поругались. Сюй Сичжоу сослался на срочную командировку и не приехал, поэтому Вэнь Цзиню пришлось встречать праздник со стариками в одиночку.

Мать Сюй тогда заметила разлад между ними. Нежно погладив его по голове, она заботливо учила его заворачивать цзунцзы и тихо выговаривала:

— В семейной жизни без ссор не бывает, милый. Совсем не ссорятся только чужие люди, а не те, кто любит.

Вэнь Цзинь тогда лишь печально улыбнулся, не найдя что ответить.

В последние годы пропасть между ними становилась всё шире, а ссоры — всё чаще. Одно время Сюй Сичжоу не появлялся дома два месяца. Желая не мешать его работе, Вэнь Цзинь ни разу не позвонил ему за всё это время. А когда они наконец встретились у дверей квартиры неподалёку от школы, Сюй Сичжоу, прижав его к косяку, долго смотрел на него тяжёлым, тёмным взглядом и с горьким сарказмом спросил:

— Если бы я не пришёл сам, ты бы так и не вспомнил обо мне до конца дней?

Вэнь Цзинь не понял причины его гнева, но, испугавшись, принялся суетливо оправдываться.

Сюй Сичжоу лишь равнодушно окинул его взглядом и молча ушёл.

С того дня их отношения окончательно остыли. Дело дошло до того, что они стали спать в разных комнатах.

Былая нежность рассеялась как сон. И теперь между ними стояла не просто глухая стена, а непроходимая пропасть.

Остановившись у массивных ворот виллы, Вэнь Цзинь тихо перевёл дух. На этот раз он не стал

вводить код доступа, как делал всегда, а сдержанно и вежливо нажал на кнопку звонка — ровно так же, как в свой самый первый визит.

События совершают неизбежный круг.

В первый раз он звонил в эту дверь, когда они с Сюй Сичжоу были страстно влюблены.

В последний раз он нажимает на звонок, когда они уже чужие, разведённые люди.

Оказывается, между пламенной страстью и ледяным отчуждением — лишь отрезок времени. Когда-то ему казалось, что пылкого сердца достаточно, чтобы повернуть вспять смену времён года. И только дрожа от пронизывающего ледяного ветра, он осознал: ставь на кон всё — и останешься ни с чем.

<http://bllate.org/book/20019/1990539>